

Е. А. Крестьянников

ЖЕНЩИНЫ-ЮРИСТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76

УДК 94(2)“1913/1918”

ББК 63.3(2)534

Высшее юридическое образование стало доступным для россиянок в начале XX в. В стране насчитывалось много учебных заведений, где женщинам позволялось получить такое образование, а также им открывалась возможность окончить университеты с дипломами правоведа. Количество женщин-юристов быстро росло, но им был закрыт вход в юридическую профессию. Попытки некоторых стать поверенными не увенчались успехом, а царский законодатель так и не разрешил женскую адвокатуру. Ограничения относительно трудоустройства в юстиции настраивали их на борьбу за право работать там наравне с мужчинами, и эта борьба приобретала организованные формы. Созданное в 1913 г. феминистское Общество Санкт-петербургских женщин-юристов ставило целью обеспечить выпускницам юридических факультетов полноценный доступ к практическому правоведению, для чего специально изучался вопрос занятости женщин-юристов, велась просветительская и агитационная деятельность. Триггером происходившего в немалой степени послужили условия Первой мировой войны, ускорившие феминизацию труда вообще и в юридической сфере в частности. Из-за мобилизации адвокатура имела потери в мужской рабочей силе, восполнить которые были готовы сотни россиянок с юридической квалификацией. Не имея права реализовать себя в судах, они в первую очередь становились труженицами консультаций, где применяли свои знания и способности в работе, близкой к адвокатской. Для подготовленных в Российской империи женщин-юристов доступ к юридической профессии открылся лишь после ее падения, когда Временным правительством была разрешена женская адвокатура.

Ключевые слова: женщины, юридическая профессия, адвокатура, поздняя Российская империя, Первая мировая война

Знаменательная для либеральной эпохи Александра II реформа правосудия 1864 г. реализовала принцип равенства россиян перед судом, но не предусмотрела для женщин места в судейском сообществе. Тогда никто не мог представить лиц женского пола в роли судебных деятелей, поскольку юридическое образование, впредь нужное для службы в юстиции на некоторых должностях, а в адвокатуре — безусловно, оставалось им недоступным. В начале XX столетия в связи с развитием революционного процесса ситуация изменилась, и перед подданными женского пола открылись новые возможности. В стране начали появляться женщины-юристы («юристки»), под которыми в предреволюционной России понимали главным образом тех, кто получил университетский диплом правоведа.

Крестьянников Евгений Адольфович — д.и.н., заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии, Тюменский государственный университет (г. Тюмень); в.н.с., Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: krest_e_a@mail.ru

Необходимость в любой, включая юридическую, женской занятости обозначилась в годы Первой мировой войны, когда россиянки оказывались на фронте и заменяли мужчин в тылу.¹ Создавались свободные ниши на рынке рабочей силы, и женщины активно их заполняли, что констатировали современники. Один из них писал: «Женский труд, до сего времени всячески попиравшийся и третированный со стороны “сильнейшей половины” человеческого рода, в настоящий момент, в виду условий военного времени, потребовавших почти все мужские силы страны, не только успешно проникает повсюду, не только санкционируется теми лицами и учреждениями, которыми несколько месяцев назад одно только предложение женского труда в данной области сочлось бы за насмешку, или неуместную шутку, но в качественном отношении признается всеми, в большинстве случаев,

¹ О женщинах в обстоятельствах мировой войны см., напр.: Meyer A. G. The Impact of World War I on Russian Women's Lives // Russia's Women Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991. P. 208–224; Шербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004. С. 227–234; Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 349–353.

* Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

совершенно не уступающим мужскому труду, а во многих случаях даже превосходящим последний».²

Численность женщин-юристов росла быстрыми темпами. По данным Министерства народного просвещения, допущенными к итоговым экзаменам в юридических испытательных комиссиях при университетах по всеподданнейшему докладу министра народного просвещения в 1904–1909 гг. являлись 14 лиц женского пола; в 1909–1911 гг. дипломы юриста в стране получила 51 женщина;³ по сведениям Юридического отдела феминистской Российской лиги равноправия женщин, в 1912 г. в стране имелись 164 дипломированные юристки.⁴ К концу военного 1915 г. лиц женского пола с юридическим образованием империя насчитывала около 400.⁵

Увеличению способствовала возрастающая для россиянок доступность вузовского образования. В 1906 г. на высших женских курсах разрешались юридические факультеты,⁶ а университеты по своему почину произвели первые наборы вольнослушательниц,⁷ которым 29 октября 1908 г. уже законодательно было позволено окончить слушание курса на одинаковых с мужчинами основаниях. По закону от 19 декабря 1911 г. подданные женского пола допускались к экзаменам при университетах.⁸

В годы войны юридическое образование становилось еще доступнее. Так, 30 июля 1915 г. по представлению Министерства народного просвещения совет министров постановил разрешить прием женщин на юридический факультет Императорского Томского университета,⁹ и в следующем году на него зачислились 19 девушек.¹⁰ В стране функционировала сеть обра-

зовательных учреждений, в которых женщинам позволялось обучаться правоведению. Один из справочников для абитуриентов за 1915 г. перечислял значительное число таких: Петроградские высшие женские курсы (Бестужевские), Петроградские высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н. П. Раева (Вольный женский университет), Частные высшие женские юридические и историко-филологические курсы в Москве (В. А. Полторацкой), Частные высшие женские юридические курсы в Москве (при гимназии Ю. Бесс), высшие женские курсы в Киеве, Одессе, Варшаве, Юрьеве и т. д.¹¹

Однако из-за молчания законов или их дискриминационного характера даже университетский диплом правоведа не гарантировал женщинам трудоустройства в судебной магистратуре и адвокатуре. Если им хотелось трудиться в сфере юриспруденции, приходилось довольствоваться заработком от далеко не самой привлекательной с точки зрения применения квалификации и не слишком доходной деятельности, к тому же всегда находясь в подчинении. Корреспондент «Женской жизни» К. Горин указывал, что юристки «принуждены отказаться от судебных выступлений и ныне работают у нотариусов, адвокатов, в городских и земских управах, в обществах патроната и в качестве юрисконсультов торговых фирм, всюду приобретая репутацию знающих и добросовестных работниц».¹²

Поэтому, с одной стороны, терялся интерес к соответствующему образованию, а для получивших его профессиональные перспективы были туманными. К таким заключениям приводят результаты анкетирования, осуществленного в 1909 г. Бестужевскими курсами среди своих слушательниц. Полученные данные красноречиво свидетельствовали, что в связи с утратой надежды на разрешение женской адвокатуры падала престижность юридического факультета, а прогнозы обучавшихся там девушек относительно собственного будущего отличались пессимизмом. В ответах анкеты встречались такие приписки: «Где же нам, юристкам, знать свое будущее»; «Не имею никаких планов в виду неопределенного

² Ардашев Н. Великая война и женщины русские. М., 1915. С. 11.

³ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 37, 192об.

⁴ См.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 60.

⁵ См.: Бахтерева А. И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. 1917. № 2. С. 18.

⁶ См.: Красинская-Эльяшева С. А., Рубашова-Зорохович А. И. Юридический факультет // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Сборник статей. Л., 1973. С. 157.

⁷ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 515. Л. 8–10.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. СПб., 1911. Т. 28. № 31104; СПб., 1914. Т. 31. № 36226.

⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1113. Л. 3–30б. Примечательно, что таким образом женское юридическое образование пришло туда, где имелся один из самых давних в России очагов адвокатской активности женщин. См.: Крестьянников Е. А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38–46.

¹⁰ См.: Отчет о состоянии Томского университета за 1916 г. Томск, [1917]. С. 30.

¹¹ См.: Вадемекум по высшему женскому образованию. Полный сборник правил приема и программ всех высших женских общеобразовательных, специальных и профессиональных, правительственных, общественных и частных учебных заведений в России / сост. Д. Марголин. Киев, 1915. С. 26–27, 34, 50, 52, 57, 61, 64–67.

¹² Горин К. Женщина-адвокат // Женская жизнь. 1915. 7 мая.

положения юристок»; «Все, что имела в виду, “разъяснил” Сенат».¹³

С другой стороны, в условиях поздней империи право на практическую юриспруденцию лицам женского пола приходилось отвоевывать, и вокруг этой борьбы происходила консолидация юристок. В столице они обособились от Российской лиги равноправия женщин, где с 25 сентября 1911 г. образовали отдел,¹⁴ создав самостоятельное, но тоже феминистское Общество Санкт-петербургских женщин-юристов.¹⁵ 2 апреля 1913 г. состоялось учредительное собрание организации, где 55 человек записались в ее члены и 10 — в соревнователи.¹⁶ Организацию возглавила выпускница Санкт-Петербургского университета А. И. Бахтерева, занимавшаяся уголовным правом,¹⁷ и, по воспоминаниям ее однокурсницы и соратницы С. М. Хлытчиевой, «поражавшая своей энергией, незаурядными организаторскими способностями, умением сплотить».¹⁸

В военные годы общество являлось значительным и деятельным объединением. К 1915 г. число его членов достигло 112, а соревнователей — 56. К важным мероприятиям организации относились два анкетирования, проведенные среди российских юристок с целью изучения их положения. Первое, хотя и затевалось еще весной 1914 г., с обработкой сведений фактически длилось почти два года. Анкетные листы рассылались женщинам-юристам в Москву, Киев, Харьков, Одессу, Юрьев; отдельные ответы были получены из других провинциальных городов — Таганрога и Ташкента.¹⁹

¹³ Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912. С. 78, 141. Последний язвительный ответ обучающейся наверняка намекал на постановление Сената от 13 ноября 1909 г., запретившее женщинам выступать в суде в качестве защитников подсудимых. Об этом постановлении см. ниже.

¹⁴ См.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 23.

¹⁵ См.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. СПб., 1914. С. 80. Созданное тогда общество женщин-юристок малоизвестно историографии. Так, крупные работы про российское женское движение содержат о нем лишь отдельные упоминания. См., напр.: Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 367; Ruthchild R. G. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010. P. 166, 217.

¹⁶ См.: Хроника // Женский вестник. 1913. № 5–6. С. 150.

¹⁷ Ее выпускное сочинение называлось «Опасный преступник и меры борьбы с ним». ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 91. Л. 1–210б.

¹⁸ Хлытчиева С. М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Сборник статей. Л., 1973. С. 266.

¹⁹ См.: Отчет по Обществу петроградских женщин-юристок за 1914 г. Пг., 1915. С. 5–6, 8.

О результатах А. И. Бахтерева доложила на собрании Общества петроградских женщин-юристок 24 февраля 1916 г.,²⁰ а затем обнародовала обобщения в «Женском вестнике». Вопросы анкеты формулировались преимущественно так, чтобы узнать, каков потенциал применения юристками полученных знаний на практике и каковы вообще возможности их трудоустройства. Выяснилось, что всего имели любой постоянный доход 70 % опрошенных, но работой юридического характера на жизнь зарабатывали 48 %, из которых примерно четверти приходилось искать дополнительно подработку в виде переводов или уроков.²¹

Кампания признавалась исключительно успешной и полезной, и потому в 1916 г. было предпринято второе анкетирование, приоритетной задачей ставившее сбор информации о положении женщин-юристок в военное время. На этот раз постоянно трудившимися были 81 % юристок, а среди них количество занятых правовой работой увеличилось по сравнению с первым анкетированием на 7 %. Организаторов опроса обнадеживало, что на 6 % (с 57 до 63 %) поднялись запросы на юридический женский труд со стороны учреждений, и, таким образом, уменьшилась доля юристок, обслуживавших частных лиц. Помимо всего отмечалось повышение качества труда: например, из ответов совсем исчезло упоминание о работе на машинке.²²

Как и другими феминистскими объединениями, обществом столичных женщин-юристок немало внимания уделялось просветительской деятельности. Проблематика докладов, звучавших на собраниях, определялась спецификой ассоциации. К примеру, в 1914 г. состоялись выступления на темы «Юридическая природа имущественного найма», «О кассации оправдательных приговоров», «Судебно-обычное уголовное право в России и его новейшее развитие», «Законопроект о раздельном жительстве супругов и расширении прав замужней женщины».²³ О признании общества говорило то, что его собрания посещали с лекциями выдающиеся правоведы М. Я. Пергамент, В. М. Гессен, Н. А. Гредескул, М. П. Чубинский (март 1915 г.), а также представители

²⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1156. Л. 41–42, 45.

²¹ См.: Бахтерева А. И. Положение женщин-юристок в России по анкете 1914 г. // Женский вестник. 1916. № 5–6. С. 81–87.

²² См.: Бахтерева А. И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристок в России (1916 г.). С. 17–22.

²³ Отчет по Обществу петроградских женщин-юристок за 1914 г. С. 4–5.

тогдашнего истеблишмента. В январе 1917 г. выступали лидер кадетов П. Н. Милуков и член Государственного совета А. В. Васильев, и их речи слушало солидное число присутствовавших — около 600 чел.²⁴

Первый параграф устава организации гласил: «Общество имеет целью содействовать упрочению и развитию практической деятельности женщин, получивших юридическое образование».²⁵ Подразумевалась главным образом адвокатура (по Судебным уставам 1864 г. — присяжные поверенные и их помощники), к которой россиянки с юридическим образованием стремились в предвоенное время, получая поддержку политических сил, борющихся за равенство полов. Профессия в случае ее освоения женщинами указывала им один из прямых путей к равноправию, и феминистское движение недаром воспринимало крайне болезненно сдерживание этого вопроса: «Недопущение женщин-юристок в ряды присяжной адвокатуры и выступать в качестве доверенных на суде является одним из самых несправедливых ограничений женских прав».²⁶

Начиная с 1908 г. некоторые россиянки пробовали вступить в адвокатскую корпорацию. Попытку предприняли Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман, Л. А. Бубнова,²⁷ Н. Л. Щербакова (все в Москве),²⁸ Е. А. Флейшиц (Санкт-Петербург),²⁹ Е. А. Гинзбург (Киев),³⁰ А. Г. Яро-

шевская (Одесса),³¹ И. Г. Пшеничная (Саратов),³² Л. П. Рушковская (Омск),³³ Л. А. Богородицкая, О. А. Вегер, М. А. Илговская (все в Казани).³⁴ За исключением Е. А. Гинзбург, перечисленных принимали в помощники присяжных поверенных органы корпоративного самоуправления адвокатуры — советы присяжных поверенных, но затем данные решения отменяли судебные палаты.³⁵ Юридическим основанием для отказа большинству было постановление Сената от 13 ноября 1909 г., запрещавшее женщинам адвокатскую деятельность в окружных судах,³⁶ а законопроект о разрешении женской адвокатуры, одобренный 23–24 мая 1912 г. Государственной думой,³⁷ 23–24 января 1913 г. ожидал провал в Государственном совете.³⁸

Женщины, которым было отказано в адвокатской практике, безусловно, составляли передовой отряд российских юристок. Авторитета им добавляло то, что многие из них до отечественных окончили иностранные университеты (Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман, Л. А. Бубнова, Е. А. Флейшиц, Е. А. Гинзбург, И. Г. Пшеничная).³⁹ Благодаря совершенным ими смелым действиям они вызывали уважение к себе и становились флагманами борьбы за равноправие полов. На Первом Всероссийском женском съезде в декабре 1908 г. докладами «О праве женщин быть адвокатами» и «Влияние гражданского положения женщины на ее юридическую профессию» М. М. Гиршман и Л. А. Бубнова вынесли на суд феминистского форума вопрос о возможности женской адвокатуры,⁴⁰ поддержке которой затем

²⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1156. Л. 26–260б., 66–660б.

²⁵ Устав Общества Санкт-петербургских женщин-юристов. СПб., 1913. С. 1.

²⁶ Так говорилось в письме, разосланном депутатам Государственной думы Российской лигой равноправия женщин в декабре 1911 г. См.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 14; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1.

²⁷ См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42. Л. 2580б., 3150б.–316, 3680б.–369, 3710б., 4110б.–412.

²⁸ См.: Сорок четвертый отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1909–1910 г. М., 1911. С. 6–10.

²⁹ См.: Отчет совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвертый год. С 1 марта 1909 г. по 1 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 10–12. Е. А. Флейшиц из названных россиянок стала единственной, кому удалось поучаствовать в качестве адвоката в судебном заседании. 6 ноября 1909 г. она выступала защитницей подсудимых в Санкт-Петербургском окружном суде, но на это последовал протест прокурора, и процесс был приостановлен. Однако сам приведенный факт позволил провозгласить ее первой женщиной-адвокатом в стране. См., напр.: Энгел К. Первое выступление женщины-адвоката // Биржевые ведомости. 1909. 7 ноября; Бецкий К. Первое выступление женщины-адвоката в Петербурге // Речь. 1909. 7 ноября; Первый дебют женщины-адвоката. (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // Русское слово. 1909. 7 ноября.

³⁰ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115. Л. 56–570б.

³¹ См.: Шестой отчет совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты за 1910 г. Одесса, 1911. С. 13–17.

³² См.: Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 125–127.

³³ См.: ГИА Омской области. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188. Л. 37–50.

³⁴ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 488–4890б.

³⁵ Прием в адвокатуру Е. А. Гинзбург из-за отсутствия в Киеве совета присяжных поверенных зависел от решения Киевского окружного суда, не допустившего женщину к адвокатской деятельности.

³⁶ См.: Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48.

³⁷ См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 2329–2334, 2446–2470.

³⁸ См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. — 4 июля 1913 г.). СПб., 1913. С. 809–910.

³⁹ См.: [Флейшиц Е. А.] Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 27; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 749. Л. 1; Д. 2157. Л. 2; РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 68.

⁴⁰ См.: Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 427–434, 807–816.

женщины-адвокаты посвятили целый ряд статей в популярных газетах и журналах.⁴¹

Поскольку судебная деятельность для россиянок с дипломами правоведов оставалась закрытой, большое значение для доказательств способностей к юридической деятельности имели достижения подданных женского пола на других поприщах юриспруденции. Отдельные из тех, кого называли «адвокатессами», обратились к научной деятельности. Е. А. Гинзбург была избрана членом университетского Киевского юридического общества по отделу обычного права⁴² и своими трудами внесла существенный вклад в осмысление важных правовых вопросов;⁴³ юридический факультет Петроградского университета 23 ноября 1915 г. постановил допустить Е. А. Флейшиц к испытанию на ученую степень магистра гражданского права,⁴⁴ а в советское время она стала выдающимся цивилистом.⁴⁵

После отрицательного голосования по законопроекту о женской адвокатуре в Государственном совете могло показаться, что вопрос о допуске женщин в поверенные закрыт надолго, однако с началом войны он приобрел новую остроту. Мобилизация сильно сокращала ряды мужской адвокатуры и заставляла вспомнить об юристках. Например, в первые дни боевых действий в армию из Московского судебного округа были призваны 237 адвокатов, а из Одессы ушли воевать более половины помощников присяжных поверенных, и это привело, по характеристике юридической прессы, к «адвокатскому кризису».⁴⁶ За два

года войны в округе Петроградской судебной палаты из 2 379 присяжных поверенных и их помощников мобилизованными оказались 494 (около 21 %).⁴⁷

При этом потери адвокатуры, пока не так заметные в крупных городах с высокой концентрацией поверенных, могли уже серьезно ударить по сфере квалифицированных адвокатских услуг в малых населенных пунктах и сельской местности, где специалистов-адвокатов и прежде было наперечет. Представлялось, что именно там в первую очередь найдут применение женский юридический труд. «Мне думается, что назначение женщины в адвокатуру — это нести юридическую помощь в деревню... Чтобы работать в деревне, нужны особые условия, и женщины как нельзя более ими обладают... У мужчин-адвокатов и требования в смысле вознаграждения выше, и не всегда охотно они берутся за небольшие дела. Женщины же пойдут сюда со своими скромными запросами, пойдут в увлечении своей новой ареной деятельности», — предрекал в 1915 г. профессор Московского университета и член Государственного совета И. Х. Озеров.⁴⁸

В общем, логика момента требовала вернуться к борьбе за право женщин трудиться адвокатами, и на ее путь снова вступила профессиональная адвокатура. В апреле 1916 г. на совещании представителей советов присяжных поверенных в Петрограде после доклада товарища председателя столичного совета М. В. Беренштама единогласно было принято постановление: «Считая допущение женщин в ряды присяжной адвокатуры настоятельно необходимым в интересах нуждающегося в юридической помощи населения России, признать желательным, по возможности, незамедлительное разрешение этого вопроса законодательными учреждениями».⁴⁹ Вскоре Общество Петроградских женщин-юристов в продолжение своей агитационной деятельности обсудило на своем собрании и адресовало парламентариям специальный меморандум, убеждавший в своевременности разрешения женской адвокатуры. Доказывалось, с одной

армию // Вестник права. 1914. № 32. С. 970–971; Хроника // Там же. С. 985.

⁴⁷ См.: Отчет совета присяжных поверенных при Петроградской судебной палате за пятидесятый год. С 1 сентября 1915 г. по 1 сентября 1916 г. Пг., 1916. С. 3–4, 35.

⁴⁸ Озеров И. Х. На новый путь! К экономическому освобождению России. М., 1915. С. 184.

⁴⁹ Протоколы совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде и Москве (январь–апрель 1916 г.). М., 1916. С. 55.

⁴¹ См.: Гиршман М. М. О праве женщин быть адвокатами // Вестник права и нотариата. 1909. № 29. С. 4–16; Бубнова Л. А. Еще несколько слов о женщинах-адвокатах // Русские ведомости. 1909. 26 ноября; Гальперин-Гинзбург Е. А. Под знаменем права. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 75–83; Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 2. С. 63–73; № 3. С. 143–151; Она же. Адвокаты будущего // Вестник гражданского права. 1914. № 7. С. 58–70; Она же. Изъятие из адвокатуры // Вестник права. 1914. № 50. С. 1498–1500; Она же. Еще о женщинах в судебном представительстве // Вестник права. 1915. № 34. С. 967–969.

⁴² См.: Хроника // Женский вестник. 1912. № 4. С. 111–112.

⁴³ В Берлине посмертно был опубликован сборник с внушительным количеством ее работ: Гальперин-Гинзбург Е. А. Указ. соч. Также см., напр.: Гальперин [Гинзбург] Е. Женщины-крестьянка в нынешней войне и реформа волостного самоуправления. Доклад, читанный на совещании делегатов женских организаций в г. Москве 23–24 апреля 1916 г. М., 1916.

⁴⁴ См.: Хроника // Женский вестник. 1915. № 12. С. 220.

⁴⁵ См.: Братусь С. Н. Научная деятельность Екатерины Абрамовны Флейшиц // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. М., 1959. Вып. 9. С. 3–12; Полянская Г. Н. Начало жизненного пути // Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2015. Т. 2. С. 5–34.

⁴⁶ См.: Присяжные поверенные округа Московской судебной палаты и их помощники, призванные в действующую

стороны, что мобилизация лишила корпорацию значительной доли мужской рабочей силы, с другой — что женщины своим трудом на юридической ниве зарекомендовали себя вполне способными к адвокатской профессии.⁵⁰

Речь шла прежде всего о работе в качестве юрисконсультов. Военные обстоятельства привели к возрастанию спроса на правовые услуги адвокатских консультаций, организация которых в стране не была узаконена, хотя они под покровительством судебных инстанций и советов присяжных поверенных действовали очень давно: первая консультация открылась при Санкт-Петербургском окружном суде еще 27 апреля 1870 г.⁵¹ Но в начале XX в. над исчислявшимися уже многими десятками консультациями нависла угроза ликвидации. 2 марта 1909 г. Сенат признал неправильным применявшийся ранее порядок их учреждения,⁵² и некоторые из подобных заведений прекратили существование. Среди закрытых оказались, в частности, провинциальные консультации в Томске,⁵³ Воронеже, Полтаве,⁵⁴ Смоленске и Орле.⁵⁵

Наверняка запрет женской адвокатуры и попытка избавить страну от консультаций имели единые корни. Они не только осуществлялись примерно в одно время (1909 г.), но и были направлены против институтов, находивших явную поддержку судебной власти. В политическом смысле указанные меры наносили удар по самостоятельности судебной власти и соответствовали курсу Министерства юстиции третьей ионьской системы, именуемому иногда по имени главы ведомства в 1906–1915 гг. И. Г. Щегловитова «щегловитовской юстицией».⁵⁶ Впрочем, если затормозить

вход россиянкам в адвокатскую профессию правительству удалось, то уничтожению консультаций препятствовали само их долгое существование с молчаливого согласия судебного начальства всех уровней, признательность со стороны социума и чрезвычайная полезность для населения.

Несмотря на правительственные притеснения, многие консультации сохранились, а поданные женского пола с юридическим образованием в условиях увеличивавшегося объема работы в связи с войной пришлось для них весьма кстати. Анкетирование Общества Петроградских женщин-юристов определенно указывало на рост востребованности труда женщин в качестве юрисконсультов. Если в 1914 г. 40 % юристок причисляли себя к таковым, то в 1916 г. — уже 64 %.⁵⁷ Рост обуславливался кроме прочего еще и тем, что из-за войны к привычным адвокатским консультациям прибавлялись структуры, открывавшиеся при общественных организациях для удовлетворения растущих народных потребностей в разрешении юридических неопределенностей.

Там ждали работниц, а последние, в свою очередь, набирались в них опыта. Например, в Юридическом отделе Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов в первый год деятельности состояло всего 243 члена, и 28 из них были юристки. Именно они вместе с представителями мужской адвокатуры и другими судебными деятелями занимались консультированием по вопросам права,⁵⁸ заслуживая уважение. Как утверждал на адвокатском съезде в апреле 1916 г. М. В. Беренштам, данная деятельность лиц женского пола «нашла себе лестное одобрение среди членов союза».⁵⁹

Вместе с тем удается выявить случай достижения женщиной-юристом руководящих высот в одном из консультационных учреждений. 12 декабря 1915 г. Воронежский комитет помощи жертвам войны назначил главой консультации Л. Я. Синайскую, и ей, судя по первоначальной отчетности, удалось вполне успешно наладить функционирование заведения.⁶⁰

⁵⁰ См.: Собрание женщин-юристов // Утро Сибири. 1916. 7 июня; Меморандум от Общества петроградских женщин-юристов. СПб., 1916. С. 1–2.

⁵¹ См.: Отчет о деятельности консультации присяжных поверенных при Санкт-Петербургском окружном суде за 1894 г. (25-й отчетный год) и краткий обзор деятельности консультации за 25 лет ее существования. СПб., 1895. С. 12.

⁵² См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 132. Л. 5–5об.

⁵³ См.: Государственный архив Томской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 52–52об.

⁵⁴ См.: Закрытие консультаций // Биржевые ведомости. 1909. 5 ноября.

⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 432. Л. 17, 133.

⁵⁶ Понятие использует современный исследователь К. П. Краковский. Подразумевается режим, «откровенно нарушавший все принципы правосудия», наступавший на права обвиняемых, прежде всего, в политических процессах, отличавшийся обилием неправоудных приговоров, давлением на судей, «выдавливанием» из судебного ведомства принципиальных юристов и обеспечением карьерного роста тем, кто угрожал правительству. См.: Краковский К. П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции позднеимперского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М., 2014. С. 3.

⁵⁷ См.: Бахтерева А. И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.). С. 21.

⁵⁸ См.: Отчет Юридического отдела Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов. За первый год его деятельности с 1 мая 1915 г. по 1 мая 1916 г. Пг., 1916. С. 5, 7.

⁵⁹ Протоколы совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде и Москве (январь–апрель 1916 г.). С. 122.

⁶⁰ См.: РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 63. Л. 26–28об.

Похожие изменения в гендерной структуре занятости, скорее всего, составляли общую картину военных лет. К примеру, россиянки еще с 1860-х гг. осваивали самые разные железнодорожные специальности, но лишь в 1916 г. вступили в железнодорожную элиту — стали работать помощниками машинистов.⁶¹

Имеются сведения о том, насколько справлялись с юридическим трудом женщины-юристы-консультанты и доверяли ли им клиенты. Незадолго до войны благодаря прессе получила освещение работа окончившей Санкт-Петербургский университет Е. Н. Окуновой⁶² по оказанию юридической помощи крестьянам Новгородской губернии. Она развернула значительную деятельность, а доброкачественность предоставляемых женщиной услуг признавалась вполне высокой. Просители только никак не могли уяснить, почему девушка с высшим юридическим образованием может писать для них прошения и жалобы, но ей воспрещается защищать эти жалобы и прошения в суде.⁶³

Ответы на вопросы анкет столичного общества женщин-юристов свидетельствовали о высокой оценке клиентурой работы юрист-консультантов женского пола. В 1914 г. о безусловном доверии к себе клиентов сказали 94 % опрошенных юристок, в 1916 г. — 98%.⁶⁴ Когда деятель феминистского движения А. В. Лучинская⁶⁵ делилась впечатлениями о женщинах-консультантах с читателями «Вестника знаний», их занятия в консультациях она характеризовала отвечающими «желаниям» женщины. «Здесь она находит и выходы тем стремлениям, которые свойственны ей, как и всякому человеку: быть полезной обществу в той области, где эту пользу может принести лучше всего», — подчеркивала последовательница феминизма. Вместе с тем феминистка констатировала, что «в населении уже успело укорениться доверие к женщинам-юристам, и

предложения на такого рода выступления — явление обычное».⁶⁶

Таким образом, на закате империи юристки, прежде всего касательно адвокатского ремесла, демонстрировали желание вести практическую юриспруденцию и способности к ней, уже могли рассчитывать на поддержку простых россиян, парламентариев, профессионального сообщества. Но в части присоединения женщин-юристов к судебной магистратуре и адвокатуре Министерство юстиции двери оставляло перед ними закрытыми,⁶⁷ хотя в военные годы наметилась тенденция предоставления подданным женского пола прав государственной службы, правда, на низших должностях, в других ведомствах: казенных палат, православного вероисповедания, Министерства народного просвещения, Министерства путей сообщения, Главного управления государственного здравоохранения.⁶⁸

Правящие круги последовательно боролись с женской адвокатурой, даже пренебрегая принципами законности.⁶⁹ Ее разрешение грозило расшатать построенную на традиционных отношениях полов монархию, поскольку позволяло женщинам включиться в политическую жизнь. Именно это подразумевал И. Г. Щегловитов, когда в Государственном совете 23 января 1913 г. доказывал, что через адвокатуру россиянки прокладывали «путь для завоевания политических прав».⁷⁰ Тем самым подтверждается правило, о котором пишет М. Дж. Моссман в своем фундаментальном труде о первых «адвокатессах» в ряде иностранных государств: исторически доступ юристок к адвокатской работе был сопряжен с борьбой за власть и принятием соответствующих достижению цели законодательных актов, встречая наибольшие, по сравнению с входом в ряд иных профессий, препятствия.⁷¹

⁶¹ См.: Сердюк В. А. «Забытый персонал»: женский труд на железных дорогах Российской империи. М.; СПб., 2020. С. 196–197.

⁶² Сохранилось ее ходатайство о допуске к выпускным экзаменам в испытательной комиссии данного университета. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 18. Д. 77. Л. 58.

⁶³ См.: Сенильский Г. Равноправие женщин перед судом Государственного совета // Правда. 1913. 26 января; Русская печать // Сибирская жизнь. 1913. 2 февраля.

⁶⁴ См.: Бахтерева А. И. Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. С. 85; Она же. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.). С. 21.

⁶⁵ Входила в руководящий орган (бюро) феминистской Российской лиги равноправия женщин. См.: Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 6.

⁶⁶ Лучинская А. В. Женщина-адвокат // Вестник знаний. 1916. № 10. С. 420–421.

⁶⁷ Им дозволялась лишь канцелярская работа. Закон от 9 мая 1900 г. допускал россиянок к исполнению обязанностей «по письменной и счетной частям в центральном управлении Министерства юстиции и в местных учреждениях ведомства названного министерства». См.: ПСЗ РИ. Собр. 3. СПб., 1902. Т. 20. № 18562.

⁶⁸ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 4. Л. 32, 47, 54, 64, 74.

⁶⁹ См.: Люблинский П. И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. № 21. С. 1529–1547.

⁷⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. — 4 июля 1913 г.). С. 831.

⁷¹ См.: Mossman M. J. The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions. Portland, 2006. P. 12–14.

Понадобилась революция, чтобы россиянки занялись юридической практикой в качестве адвокатов. На демонстрации, организованной Лигой равноправия женщин 6 марта 1917 г. в Москве, среди призывов уравнивания с правами мужчин звучало требование разрешить женскую адвокатуру.⁷² На следующий день министр юстиции А. Ф. Керенский призвал советы присяжных поверенных принимать лиц женского пола, назвав прежние для них запреты «глубоко несправедливыми».⁷³ Московский совет незамедлительно получил 45 ходатайств от юристок о приеме их в адвокатуру, и его члены поначалу хотели удовлетворить прошения без каких-либо проверок, но затем все-таки решили «навести тщательные справки о моральных качествах» просительниц. Вскоре 34 женщины были зачислены

этим советом, а 8 мая примерно столько же — Петроградским.⁷⁴ Наконец, правительственным постановлением 1 июня 1917 г. адвокатская деятельность юристкам была дозволена.⁷⁵

Движение российских женщин к юридическому образованию и профессии, маркируя глубокую трансформацию традиционных гендерных ролей в начале XX столетия, вместе с тем происходило на фоне кардинальных социально-политических изменений. Начальные и завершающие шаги в этом направлении обуславливались революционными процессами, но условия Первой мировой войны во многом определили успешный для женщин-юристов результат. Военные обстоятельства не только усилили вовлеченность юристок в считавшуюся мужской юридическую деятельность, но и помогли им пройти проверку на профпригодность.

Evgeniy A. Krestiannikov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University; Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Tyumen; Moscow)
E-mail: *krest_e_a@mail.ru*

WOMEN LAWYERS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE
AND DURING THE FIRST WORLD WAR

Higher legal education became available to Russian women at the beginning of the 20th century. There were many educational institutions in the country where women were allowed to receive such an education, at the same time, they had the opportunity to graduate from universities with degrees in law. The number of women lawyers increased dramatically, but they were barred from entering the legal profession. Attempts by some to become attorneys were unsuccessful, and the tsarist legislator did not allow women’s advocacy. Restrictions on employment in justice set up lawyers to fight for the right to work there on equal terms with men, and this struggle took on organized forms. The feminist Society of St. Petersburg Women Lawyers, founded in 1913, aimed to provide graduates of law faculties with full access to practical law, for which the issue of employment of female lawyers was specially studied, educational and propaganda activities were carried out. The conditions of the First World War served as a trigger for what was happening to a large extent. They accelerated the feminization of labor and the legal field was no exception. Due to mobilization, the legal profession had a loss in the male workforce, which hundreds of Russian women with legal qualifications were ready to make up. Not having the right to realized themselves in the courts, they first of all became workers of consultations, where they applied their knowledge and abilities in work related to the lawyer. For women lawyers of the Russian Empire, access to the legal profession was opened only after its fall, when the Provisional Government allowed women’s advocacy.

Keywords: *women, legal profession, advocacy, late Russian Empire, First World War*

REFERENCES

- Abrams L. *Formirovaniye yevropeyskoy zhenshchiny novoy epokhi. 1789–1918* [The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2011. (in Russ.).
- Bratus S. N. [Scientific Activity of Ekaterina Abramovna Fleishits]. *Uchenyye zapiski Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk* [Scientific Notes of the All-Union Institute of Legal Sciences]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1959, iss. 9, pp. 3–12. (in Russ.).

⁷² См.: Steinberg M. D. *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford, 2017. P. 30–31.

⁷³ Пребывание министра юстиции в Москве // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. С. 77.

⁷⁴ См.: Хроника // Право. 1917. № 8. С. 464; Женщины — присяжные поверенные // Женский вестник. 1917. № 5–6. С. 79.

⁷⁵ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) июня.

- Krakovsky K. P. *“Shcheglovitovskaya yustitsiya” v Rossii (Ministerstvo yustitsii pozdneimperskogo perioda po materialam Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii Vremennogo pravitel’sтва)* [“Shcheglovitovskaya justice” in Russia (Ministry of Justice of the Late Imperial Period Based on the Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Temporary Government)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014. (in Russ.).
- Krasinskaya-Elyasheva S. A., Rubashova-Zorokhovich A. I. [Faculty of Law]. *Sankt-Peterburgskkiye vysshiye zhenskiye (Bestuzhevskkiye) kursy. 1878–1918* [Saint Petersburg Higher Women’s (Bestuzhev) Courses. 1878–1918]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ., 1973, pp. 155–163. (in Russ.).
- Krestyannikov E. A. [Female Legal Profession in Pre-Revolutionary Russia: Siberian “Trace”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 63, pp. 38–46. DOI: 10.17223/19988613/63/5 (in Russ.).
- Meyer A. G. The Impact of World War I on Russian Women’s Lives. *Russia’s Women Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: California Press, 1991, pp. 208–224. (in English).
- Mossman M. J. *The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions*. Portland: Hart Publishing, 2006. (in English).
- Polyanskaya G. N. [The Beginning of Life]. *Fleyshits E. A. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Fleishits E. A. Selected Works on Civil Law]. Moscow: Statut Publ., 2015, vol. 2, pp. 5–34. (in Russ.).
- Ruthchild R. G. *Equality and Revolution: Women’s Rights in the Russian Empire, 1905–1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. (in English).
- Serdyuk V. A. *“Zabytyy personal”: zhenskiy trud na zheleznykh dorogakh Rossiyskoy imperii* [“Forgotten Personnel”: Women’s Labor on the Railways of the Russian Empire]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. (in Russ.).
- Shcherbinin P. P. *Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII — nachale XX v.* [The Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in the 18th — Early 20th Century]. Tambov: “Yulis” Publ., 2004. (in Russ.).
- Steinberg M. D. *The Russian Revolution, 1905–1921*. Oxford: Oxford University Press, 2017. (in English).
- Yukina I. I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2007. (in Russ.).

Для цитирования: Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 68–76. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76.

For citation: Krestyannikov E. A. Women Lawyers of the Russian Empire on the Eve and during the First World War // Ural Historical Journal, 2023, no. 2 (79), pp. 68–76. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76.